

Ганс Гейнц Эверс Мамалои

Я получил следующее письмо: Пти-Гоав. (Гаити) 16 августа 1906 г.

"Милостивый Государь!

Как видите, я исполняю обещание. Я пишу вам все, как вы желали, с самого начала. Делайте с моим письмом, что хотите, но только умолчите о моем имени ради моих родственников в Германии. Я хотел бы избавить их от нового скандала. Уже и первый скандал достаточно дурно подействовал им на нервы.

Согласно вашему желанию, я изложу вам прежде всего мою скромную биографию. Двадцати лет от роду я приехал сюда и поступил в одно немецкое предприятие в Жереми. Вы, конечно, знаете, что в этой стране немцы держат всю торговлю в своих руках. Меня соблазнило жалование: 150 долларов в месяц. Я считал почти миллионером... В конце концов я сделал такую точно карьеру, которую делают все молодые люди, приезжающие сюда, в эту прекраснейшую и испорченнейшую страну: лошади, женщины, пьянство, карты. Только немногие вырываются из этого заколдованного круга. Да и меня спасло лишь мое исключительно крепкое сложение. О возобновлении же такой жизни мне нельзя было тогда и думать после того, как я пролежал целые полгода в немецком госпитале Порт-о-Прэнс.

Потом как-то однажды мне удалось сделать великолепное дело с местным правительством. Там, у вас, это дело, конечно, назвали бы неслыханно наглым надувательством. У вас меня упрятали бы него года на три в смиренный дом - здесь же я благодаря ему наоборот, вошел в большую честь. Вообще если бы я был присужден к уголовным наказаниям за все то, что здесь делают все и что у вас там считается преступлениями, то я должен был бы прожить по меньшей мере до пятисот лет, чтобы успеть заживо выйти из смиренного дома. Но я охотно отбыл бы все эти наказания, если бы вы указали мне здесь человека моего возраста, актив которого в этом отношении был бы меньший, чем у меня. Впрочем, современный судья все равно должен был бы оправдать всех нас, потому что нам недостает сознания наказуемости наших деяний. Напротив, мы считаем эти деяния за весьма позволительные и в высшей степени честные.

Итак, я продолжаю. Вместе с постройкой мола в Порт-де-Пэ (само собой разумеется, что ничего не было построено!) я положил первый камень к созданию своего благосостояния, причем поделился в своем грабеже с двумя-тремя министрами. В настоящее время в моих руках находится одно из самых цветущих предприятий на острове, и я очень богат. Я торгую - или мошенничаю, как у вас говорят - всем чем угодно. Я живу в собственной прекрасной вилле, гуляю в моих великолепнейших садах и пью шампанское с офицерами пароходов Гамбург-Американской линии, когда они заходят в нашу гавань. Я, слава Богу, не имею ни жены, ни детей... Конечно, вы сочли бы моими детьми тех мулатов, которые бегают по моим дворам. Ваша мораль требует этого на том только основании, что я их родил. Но я этого не делаю... Короче говоря, я чувствую себя необыкновенно прекрасно.

Однако в течение долгих лет я испытывал горькую тоску по родине. Сорок лет я прожил вдали от Германии - вы понимаете... Однажды я решил даже ликвидировать дело, распродать, как попало, весь скарб и провести остаток моих дней на родине. Когда я окончательно пришел к такому решению, тоска по родному краю внезапно усилилась до такой степени, что я не мог дожидаться отъезда. И я отложил полную ликвидацию моего предприятия до поры до времени и сломя голову поехал с порядочным запасом денег в бумажнике пожить в Германии временно, хоть с полгода.

А пробыл я там всего три недели... И если бы я замешкался еще на день, то прокурор засадил бы меня там лет на пять. Это и был тот скандал, о котором я упоминал выше. О нем в свое время писалось во всех берлинских листках, и моя высоконравственная родня видела свое почтенное имя напечатанным самым жирным шрифтом на их страницах. Я никогда не забуду своего последнего собеседования по этому поводу с моим братом. (Бедняга служит по

духовному ведомству. Он - старший советник консистории!). Если бы вы могли видеть его физиономию, когда я с самым безобидным видом уверял его, что девочкам было по меньшей мере 11 или даже 12 лет... И чем более старался я оправдаться перед ним, тем более впутывался. Когда же я сказал ему, что это, в сущности, вовсе уж не так худо и что у нас в стране предпочитают даже восьмилетних, он схватил себя за голову и вскрикнул: "Молчи, несчастный брат, молчи! Мой взор видит тебя гибнущим в бездне нечестивого тления!" Три года после того он негодовал на меня, и я добился примирения с ним только тем, что завещал каждому из его одиннадцати детей по 50 000 марок, а кроме того, стал посылать каждый месяц довольно солидную сумму для его сыновей. За это он теперь поминает меня каждое воскресенье в своей молитве. Каждый раз, когда я ему пишу, я не упускаю случая сообщить ему, что еще одна особа в здешнем селении достигла подходящего возраста - и поэтому была взыскана моим благоволением. Пусть его молится за старого грешника. Авось я исправлюсь... Однажды он писал мне, что он все время борется с своей совестью: может ли он принимать деньги от такого неисправимого человека, как я? Очень часто он уже был близок к тому, чтобы отказаться от них, и только снисхождение и сострадание к единственному брату все-таки побуждали его принимать от меня дары. Но теперь у него внезапно упала пелена с глаз, и он понял, что я просто лишь всегда шучу. Потому что ведь мне уже 69 лет и потому я, слава Богу, уже неспособен более к таким постыдным деяниям. Но он усердно просит меня на будущее время воздерживаться даже от этих неприличных шуток.

Я ответил ему... Копию моего письма, которую я, как порядочный купец, оставил у себя, я здесь прилагаю:

"Мой милый брат!

Твое письмо очень больно задело мою честь. Я посылаю тебе листьев и коры дерева Толюванга, которые собирает для меня каждую неделю один старый негр. Он уверяет, что ему 160 лет... во всяком случае, ему не менее 110 лет... И, несмотря на такие годы, он благодаря изумительному отвару из упомянутой коры пользуется славой величайшего донжуана во всей нашей местности наравне своим возлюбленным братом. Последний, впрочем, достаточно обеспечен самой своей природой и пользуется драгоценным напитком только в исключительных случаях. Поэтому я могу спокойно поделиться с тобой частью моего сокровища и гарантирую быстрое действие. Послезавтра я хочу устроить по случаю дня твоего рождения маленькую попойку и разгрызу в твою честь два орешка, как это принято у нас делать в таких торжественных случаях. А вesimo от того, я еще выпью за твоё здоровье.

Прилагаю по случаю наступающего Рождества маленький дополнительный чек в 3000 марок (три тысячи марок). Сердечные приветствия тебе и твоему семейству.

Твой верный брат".

"P. S. Прошу тебя сообщить мне, помянешь ли ты меня в своей молитве на Рождестве? Д.О."

Наверно, и на этот раз мой добрый брат имел тяжелую борьбу с совестью, но в конце концов христианское сострадание ко мне бедному грешнику, опять восторжествовало в его добром сердце. По крайней мере чек он оставил у себя.

Я, право, не знаю, что еще могу сообщить вам о моей жизни милостивый государь? Я мог бы рассказать вам сотни маленьких приключений и шуток, но все они совершенно такого же рода, и те, о которых вам пришлось узнать во время ваших путешествия по здешней стране. Перечитывая это писание, я замечаю, что три четверти моего письма, которое должно играть роль моего curriculum vitae, посвящены теме: "?женщина"... Это, конечно, весьма характерно для автора. Но что же поделаете? Что интересного мог бы я сказать вам о моих лошадях, о моих товарах, о моих винах? Даже покеру я остался неверен: в здешнем местечке я единственный белый, за исключением агента Гамбург-Американской линии, который играет так же мало, как и офицеры его линии, изредка навещающие меня.

Остается женщина. Что же вы хотите?

Теперь я положу это письмо в тетрадь и буду заносить в нее все те замечательные записи, которые вы желаете получить от меня и о которых я еще пока не имею ни малейшего представления. Кто знает, когда вы получите это письмо? И, быть может, с совершенно пустой тетрадью...

Желаю вам, милостивый государь, всего хорошего и остаюсь преданный вам
Ф. Х."

К этому письму были приложены следующие записи: 18 августа

Когда я перелистывал эту пустую тетрадь, у меня было такое чувство, как будто в мою жизнь вошло что-то новое. Но что именно? Молодой доктор, который пробыл у меня три дня, взял с меня обещание исследовать тайну и начать необыкновенное приключение. Тайну, которой, быть может, и не существует, и приключение, которое существует только в его воображении. И я так легкомысленно обещал ему это... Я думаю, он будет очень разочарован.

Во всяком случае, он меня смутил. Всего каких-нибудь пять месяцев пробыл он в этой стране и все-таки знает ее гораздо лучше, чем я, живущий в ней, как у себя дома, уже пятьдесят лет. Он рассказывал мне о тысяче вещей, о которых я или ничего не знал, или только мельком слышал, не придавая им никакого значения и относясь к ним с недоверием. Несомненно, я поступил бы точно так же и с его рассказами, если бы он не извлек из меня своими расспросами кое-что такое, что мне самому прежде было недостаточно ясно и что теперь предстало предо мною в совершенно ином свете. И все-таки я очень скоро забыл бы все это, если бы не маленькое происшествие с Аделаидой.

Как произошло это? Негритянская девушка (она самая красивая и стройная из всех моих прислужниц и, собственно, моя фаворитка с того времени, как она у меня в доме!) накрывала чайный стол. Доктор внезапно прервал разговор и пристально посмотрел на нее. Когда она вышла, он спросил меня, заметил ли я маленькое серебряное кольцо с черным камнем на большом пальце ее правой руки? Я видел это кольцо тысячу раз, но никогда ничего не подозревал насчет него. Не видал ли я когда-нибудь такого же кольца у какой-нибудь другой девушки? Ну, это, конечно, возможно, хотя я и не уверен в этом. Он задумчиво покачал головой.

Когда девушка снова появилась на веранде, чтобы подать нам чай, доктор, не глядя на нее, пропел вполголоса какой-то мотив: нелепую мелодию с идиотскими негритянскими словами, которых я не понял.

Leh! Eh! Bomba, hen, hen!

Cango bafio te

Cango moune de 16

Cango do ki la

Cango li!

Трах! Чайный поднос упал на каменный пол; чашки и блюдечки - вдребезги. Девушка с криком бросилась в дом. Док проводил ее взглядом, рассмеялся и сказал:

- Даю вам слово: она - мамалои.

Мы проболтали до полуночи, пока пароходный свисток не потребовал его обратно на отплывавший пароход. И пока провожал его на лодке на пароход, он почти убедил меня, я живу, как слепой, в удивительнейшей стране ужасов, о существовании которых я до сих пор не имел никакого представления.

Зато теперь я насторожил глаза и уши. Пока со мной еще не случилось ничего особенного. Меня очень интересуют книги, которые доктор обещал выслать мне из Нью-Йорка. Я охотно согласился с ним, что это совершенный скандал, что я до сих пор не прочитал еще ни одной книги об этой стране. Я даже не знал, что такие книги существуют: я не встречал ни одной из них у моих знакомых.

21 августа

Аделаида снова отправилась на неделю внутрь страны, к родителям. Она положительно единственная негритянская девка, у которой я замечаю такую сильную любовь к своей

семье. Я думаю, что она убежала бы, если бы я не отпускал ее. Еще день до ухода она становится какой-то странной, а когда возвращается, то на нее нападает жесточайшая тоска, так что она не может даже работать... Подумайте только - негритянская девушка! Во время ее отсутствия я произвожу в ее комнате обыск! По всем правилам искусства... Я нарочно даже прочитал этой цели соответствующую главу в одном сыском романе. Однако я до сих пор не нашел ничего, решительно ничего подозрительного. Единственный предмет ее имущества, значения которого для меня не совсем ясно, это черный, продолговатый и закругленный камень, который лежит у нее в тарелке с маслом. Я думаю, что она употребляет его для массажа. Все эти девушки массируют себя.

4 сентября

Пришли книги из Нью-Йорка. Я сейчас же принимаюсь за чтение. Три из них - немецкие, три английские и пять французских. Некоторые иллюстрированы. Аделаида возвратилась. Она в таком жалком состоянии, что принуждена была сейчас же лечь в постель. Ничего... Я знаю, что дня через два-три она снова будет весела и здорова.

17 сентября

Если хотя одна десятая часть того, о чем говорится в этих книгах, правда, то, безусловно, стоит заняться исследованием той тайны, которая, по мнению доктора, находится так близко от меня. Но все эти путешественники хотят всячески заинтересовать читателя, и поэтому один списывает у другого разные ужасы. Неужели я в самом деле такой слепой осел, что из года в год почти ничего не замечал и не подозревал о культе Воду, с его обожествлением змей и тысячами человеческих жертвоприношений? Некоторые мелочи, правда, бросались мне в глаза, но я не обращал на них внимания. Я хочу попробовать извлечь из памяти все то, что можно было бы поставить в связь с культом Воду.

Однажды моя старая экономка (я жил тогда в Гонэве) отказалась покупать на рынке свиное мясо. Она утверждала, что это может оказаться человеческим мясом. Я смеялся над нею и ставил ей на вид, что ведь она целый год покупала свинину. - Да, но не перед Пасхой! - Она так и не могла отделаться от своей навязчивой идеи, и я должен был послать на рынок другую прислугу. Нередко видал я также и этих *caprelatas* (в нашей местности их зовут *hougons*), дряхлых старцев, которые продают "*wanges*", то есть маленькие мешочки с цветными камешками и раковинами. Эти "*wanges*" бывают двух сортов: "*points*", которые оберегают от ран и употребляются мужчинами, и "*chances*" употребляемые женщинами для обеспечения верности их возлюбленных. Но я никогда не знал, что эти мошенники... или эти купцы являются низшими жрецами Воду. Так же мало внимания обращал я и на то обстоятельство, что для некоторых негров очень много всякой еды оказывается табу, то есть запрещенной. Так, например, Аделаида не прикасается к томатам, не ест черепашого и козьего мяса. Зато она часто говорит, что мясо козла "благословенно", равно как и "*maiskassan*" - ее любимый маисовый хлеб. Я знаю также, что здесь повсюду необычайно радуются двойням. Так, всякий раз устраивается праздник в той счастливой семье, в которой хозяйка или хотя бы даже ослица получают "*marassas*".

Но, Бог мой, история с человеческим мясом на рынке - несомненная басня! А другие вещи кажутся мне совершенно безобидными. Маленькие суеверия... В какой стране мира не отыщешь чего-нибудь подобного?

19 сентября

Что касается Аделаиды, то доктор, кажется, был прав, если только его проницательность не слишком уж почерпнута из книг. О таком кольце, какое носит Аделаида, упоминает Спенсер С. Джон. Его должна носить "мамалои", жрица культа Воду. Вообще я должен сказать, что в этом названии, равно как и в аналогичном названии, обозначающем главного жреца, вложено гораздо больше вкуса, чем я мог бы предположить это у негров. "Папалои", "мамалои" ("лои" на их изломанном французском языке, разумеется, обозначает "*roi*") - можно ли придумать более красивый титул? "Мать и королева", "Отец и король" - это звучит неизмеримо лучше, чем старший советник консистории, как титулуется мой богобоязненный братец.

Нашел я в книгах также и ее камень, о котором я думал что он служит ей для массирования. О нем упоминает Типпенгауэр, а также Моро де С. Мери. Вот оказия: у меня, в моей вилле, имеется настоящий живой бог. Его зовут Дамтала. Воспользовавшись отсутствием Аделаиды, я еще раз со всей точностью освидетельствовал этого бога. Описание вполне впадает с его внешностью. Это, вне всякого сомнения, старый прекрасно отшлифованный каменный топор из эпохи караيبов. Негры находят такие камни в лесу, не могут объяснить себе их происхождение и считают их за богов. Они кладут такого бога на тарелку; он знает будущее и говорит посредством постукивания. Чтобы привести его в хорошее настроение, его купают каждую пятницу в оливковом масле. Я нахожу все это очень милым, и моя тайная жрица с каждым днем нравится мне все более и более. Конечно, все эти тайны нужно еще исследовать, доктор в этом отношении вполне прав... но ничего ужасного в том я не вижу.

23 сентября

Теперь, на семидесятом году моей жизни, я должен был убедиться, как полезно быть всесторонне образованным человеком. Никогда я не испытал бы той прелестной истории, которая случилась вчера, если бы я не штудировал своих книг.

Я пил чай на веранде и позвал Аделаиду, которая забыла подать мне сахар. Она не являлась. Я прошел в мою комнату, в кухню - ее там не было. Не было и других девушек, и я не мог найти сахар. Когда я шел по двору, я услышал тихий разговор в ее комнате. Я поспешил в сад (ее комната находилась в первом этаже) и заглянул внутрь. Там сидела моя красивая черная жрица. Она обтерла камень своим лучшим шелковым платком, положила его на тарелку и осторожно налила на него свежего масла. Она была очень возбуждена, глаза ее были полны слез. Она осторожно взяла тарелку концами пальцев и вытянула руку. Она продержала так руку с тарелкой некоторое время на весу, и рука стала дрожать - сначала слабо, а потом сильнее. И камень, конечно, стал постукивать. Аделаида разговаривала с ним, но я, к сожалению, ничего не мог расслышать.

Но я все это подметил с такой тонкостью, что доктор должен быть доволен мною. Я тоже доволен собою, потому что в конце концов вся эта история оказалась для меня весьма лестной. Вечером, после ужина, я отправился в ее комнату, взял камень, вернулся в столовую и уселся в свое кресло. Когда она вошла, чтобы убрать со стола, я быстро отложил в сторону газету, взял тарелку и налил свежего масла на камень. Эффект вышел необыкновенный. Трах! Поднос опять упал: это, кажется, ее специальность в таких случаях... Слава Богу, на этот раз он был пуст. Я кивнул ей, чтобы она не шумела, и сказал совершенно спокойно:

- Пятница. Ему нужно сегодня сделать свежую ванну!
- Вы будете его спрашивать? - прошептала она.
- Конечно!
- Обо мне?
- Быть может.

Это оказалось очень кстати: я получил теперь возможность выпытать у нее ее тайну. Я сделал ей знак, чтобы она вышла и затворила за собой дверь. Она исполнила это, но я прекрасно понял, что она стояла за дверью и подслушивала. И я заставил моего бога стучать напропалую. Он прыгал на своей тарелке, так что весело было смотреть. Его стук-стук! смешивались со вздохами Аделаиды, доносившимися из-за двери.

В тот момент, когда я дал ему передышку и поставил тарелку на стол, Аделаида проскользнула в комнату.

- Что он сказал? - спросила она.
- Да, черт его знает, что он сказал. Он только постучал и больше ничего.
- Что он сказал? - настаивала она. - Да? Или нет?
- Да! - сказал я наудачу.

Она радостно воскликнула:

- Petit moune? Petit moune? (маленький ребенок)
- Разумеется, petit moune! - подтвердил я.

Она закружилась по комнате, танцуя и прыгая.

- О, какой он добрый, какой он добрый, бог грома! Мне он сказал то же самое. Теперь он должен исполнить это, потому что он обещал это два раза в день.

Вдруг она снова стала серьезной.

- А что он сказал: мальчик или девочка?

- Мальчик! - ответил я.

Тогда она упала передо мной на колени, плакала и стонала и рыдала от радости.

- Ах, наконец, наконец!

28 сентября

Я знаю, что Аделаида уже давно любит меня и ничего так страстно не желает, как только иметь от меня "petit moune". Она завидует всем девушкам, у которых есть на дворе дети, и я думаю, что она очень охотно выцарапала бы им глаза. Из этого же проистекает и прекрасный уход за стучащим богом. Сегодня вечером она была восхитительна. У меня еще никогда не было такой милой негритянской девушки. Мне кажется, что я самом деле люблю ее и что касается меня, то с моей стороны сделано все, чтобы исполнить ее маленькое желание...

6 октября

Это совершенный скандал, что я, порядочный и обстоятельный купец, не вел книг относительно того, что было мною внесено в дело улучшения низшей расы в здешней прекрасной стране. По-видимому, я слишком низко оценив свои культурные заслуги в этом отношении. Сегодня я вздумал восстановить статистику; это оказалось нетрудно. Дело в том, что у меня на большом пальце имеется три сустава, и это отличие, по-видимому, передается по наследству. Итак, тот, здесь в городе бегающий с тремя суставами на большом пальце тот, несомненно, мой потомок. Я сделал забавное открытие по поводу маленького Леона: я всегда считал этого мулатского юношу за свой отпрыск, да и его мама клялась мне в этом, между тем у него только два сустава на большом пальце. Стало быть, тут что-то не так... Я подозреваю прекрасного Христиана, одного из офицеров Гамбург-Американской линии: очевидно, он поднадул меня. Я установил также, что из моих потомков недостает здесь в городе в настоящее время не менее четырех сорванцов. Надо полагать, что они убежали куда-нибудь уже несколько лет тому назад. Никто не мог дать мне никаких точных указаний относительно их. Впрочем, я к этому совершенно равнодушен.

24 октября

Стучащий бог предсказал верно: Аделаида чувствует себя матерью и питает ко мне необыкновенную нежность, слегка даже надоедливую. Ее гордость и ее радость действуют заразительно: никогда в жизни я не заботился о возникновении и росте будущих граждан мира, а теперь, я не хочу лгать, я питаю явный интерес к этому. К этому присоединяются также все более близкие отношения, в которые я вступаю с Аделаидой. Конечно, дело не обойдется без некоторого упорства и мешканья, без уговариваний и нежностей, прежде чем я войду в полное доверие к ней. Эти черные умеют молчать, когда хотят... Того, чего они не хотят сказать, нельзя добиться от них, если бы даже тянули их за язык раскаленными щипцами.

Но возникло еще одно исключительно счастливое обстоятельство, которое дает мне в руки средство заставить ее сбросить последнюю маску.

Именно оказывается, что у Аделаиды нет никаких родителей. Я узнал это от одной престарелой бабушки, которая называется Филоксерой и уже в течение многих лет занимается выпалыванием сорных трав в моих садах. Эта дряхлая старушонка живет вместе со своим правнуком, грязным мальчишкой, в жалкой лачуге неподалеку от моих владений. Скверный мальчишка снова попался в краже яиц у меня и должен был на этот раз основательно познакомиться с бичом. И вот старуха пришла ходатайствовать за него. В качестве выкупа она сообщила мне разные новости об Аделаиде. Ей, разумеется, небезынтересно, в какой милости теперь Аделаида находится у меня. Новости эти (я должен был поклясться старухе всеми святыми, что не выдам ее) оказались настолько интересными,

что я дал ей в придачу еще американский доллар. Аделаида не имеет никаких родителей и, стало быть, не посещает их. Она мамалои - главная жрица культа Воду. Когда я отпускаю ее, она отправляется в "гонфу" - храм, находящийся вдали от людского жилья, на лесной лужайке. И моя маленькая, нежная Аделаида играет там роль жестокой жрицы, закликает змей, душит детей, пьет ром, как старый капитан корабля, и беснуется в неслыханных оргиях. Неудивительно, что она возвращается домой в таком растрепанном виде... Ну, погоди же ты, маленькая черномазая каналья!..

26 октября

Я сказал, что мне надо поехать в Sale-Trou, и велел оседлать лошадь. Старуха описала мне дорогу в храм лишь приблизительно - насколько вообще негритянская женщина может описать дорогу. Разумеется, я заблудился и имел удовольствие заночевать в девственном лесу. К счастью, я захватил с собой гамак. Только на следующее утро добрался я до храма "гонфу". Этот храм представляет собою очень большую, но убогую соломенную хижину, расположенную посредине лужайки, выровненной и утрамбованной, словно площадка для танцев. К храму вела дорога, по обеим сторонам которой торчали воткнутые в землю колья, и на каждом из них были насажены попеременно трупы белых и черных куриц. На земле между кольями лежали пустые индюшечьи яйца, уродливые корни и странной формы камни. У входа в храм стояло большое земляничное дерево, которое верующие называют "локо" и почитают как божество. Кругом него лежали груды осколки разбитых в его честь стаканов, тарелок и чашек.

Я вошел внутрь храма. Несколько отверстий в крыше давали достаточно света. Под одним из отверстий на столбе торчал горевший факел из смолистого соснового дерева. Убранство храма было в высшей степени забавно: на стенах висели портреты Бисмарка из "Woche" и короля Эдуарда из "Illustr. London News". Оба портрета, несомненно, происходили из моего дома, потому что кто же другой мог иметь в здешнем местечке эти журналы? Вероятно, их великодушно пожертвовала сюда Аделаида. Далее на стенах висели изображения святых ужасные олеографии, представлявшие святого Себастьяна, святого Франциска и Мадонну, а рядом с ним картинки из "Simplicis simus'a" и "Assiette au Beurre" (тоже от меня!). Вперемежку между этими изображениями на стенах виднелись старые тряпки от флагов, цепочки из раковин и пестрые банты из кусочке бумаги. В глубине храма, у задней стены, на некотором возвышении стояла большая корзина. "Ага! - подумал я. Там скрывается Гугон-Бадагри, великий бог Воду!" С большой осторожностью я приоткрыл крышку корзины и отпрыгнул, так как я не имел ни малейшего желания быть укушенным каким-нибудь ядовитым гадом. Но, увы! В корзине, правда, была змея, но это был невинный уж, и он уже издох от голода. Это совсем по-негритянски: поклоняться чему-нибудь, как богу, а потом когда торжественные моления кончились, совершенно забросить этого бога. Впрочем, такого бога легко возобновить: заместителя ему ничего не стоит изловить в десяти шагах в лесу. Во всяком случае, Дамтала, бравый стучащий бог, имеет несравненно лучшую участь, чем этот всемогущий Гуэдо-Собагуи, который, свернувшись сейчас в клубок, лежал передо мной мертвый в корзине. Первый получает каждую пятницу свежее масло, тогда как последний, изображающий в этом сумасшедшем язычески-христианском культе Воду-Иоанна, не может поживиться ни единой мышью или лягушкой. 29 октября

Когда я на следующий день блеснул перед Аделаидой своими новыми познаниями (я имел при этом такой вид, как будто все это давным-давно мне знакомо), она даже не пыталась отпираться. Я сказал, что меня посвятил доктор и что он не кто иной, как посланник Симби-Китас, верховного черта. В доказательство этого я показал ей топор, который я запачкал красными чернилами. Обмакнутый в кровь топор представляет собой именно символ этого злого демона.

Девушка задрожала, принялась рыдать, и я едва мог успокоить ее.

- Я это знала! - воскликнула она. - Я знала это и говорила об этом папалои. Этот доктор - сам Дом-Педро!

Я подтвердил это. Почему, в самом деле, милому доктору не быть самим Дом-Педро? Я

уже был осведомлен, что наша местность, Пти-Гоав, является резиденцией демонической секты, основанной неким Дом-Педро. Этот человек (должно быть, он был порядочный мошенник) много лет тому назад явился сюда из испанской части острова и основал здесь культ великого черта, Симби-Китас, и его помощника, Азилит. Надо полагать, что он на этом заработал хорошие деньги. Но пусть сам он и все его обер- и унтер-черти заберут меня живым, если я не устрою из всей истории хорошей аферы... У меня уже есть идея.

18 декабря

Сегодня по всем улицам раздавался звон "neklesin", железного треугольника. Много раз прежде слышал я эту детскую музыку и никогда не придавал ей никакого особого значения. Но теперь я знаю, что это - тайный сигнал, призывающий верных в храм. Я немедленно отпустил мою маленькую мамалои и при этом сообщил ей, что на этот раз и я хотел бы принять участие в жертвоприношениях. Она была вне себя, просила, плакала, стонала и кричала. Но я не уступал. Я снова показал ей старый Дровяной топор, обмакнутый в красные чернила, при виде которого она цепенеет от ужаса. Я сказал ей, что имею особое поручение от Дом-Педро и что служение должно совершаться в моем присутствии точно так же, как всегда, без всяких изменений. Она отправилась переговорить со своим "houci-bossales", татуированными слугами при храме. Но я думаю, что она пошла к самому папалои.

Я воспользовался ее отсутствием, чтобы прочесть еще несколько глав в моих книгах, и отыскал некоторые исторические сведения, показавшиеся мне особенно интересными. Так, освободитель Гаити, Туссен Лувертюр, был папалои, а также император Дессалинь и король Кристоф. Равным образом император Сулук был жрецом Воду. Я видел этого черного бездельника, когда приехал в 1858 году в Порт-о-Прэнс. Далее президент Сальнав, мой добрый друг Сальнав, собственноручно принес в 1868 году человеческую жертву - жертву "безрогого козла"... Сальнав! Кто бы мог подумать!.. Мошенник, с которым я, в том же самом году, не строил наш знаменитый мол в Порт-де-Пэ, послуживший началом моего благосостояния. Затем президент Саломон, этот ветхий болван, тоже был ревностным покровителем Воду. О его преемнике, Ипполите, я и прежде часто слышал то же самое, но я никогда не знал, что он сохраняет скелеты убитых им жертв в качестве приятных воспоминаний. Когда он десять лет тому назад умер, в его комнатах нашли целые ряды таких скелетов. По правде сказать, он мог бы завещать мне парочку: я делал с ним немало хороших дел. Всегда все пополам и притом он получал от меня даром все свои форменные костюмы с таким количеством золотых нашивок, сколько пожелает. И все побочные расходы шли из моего кармана. Никогда он тратил ни одного сантима, за исключением только мелких "чаевых" для господ депутатов...

Только двое президентов в 60-70-х годах заявили себя противниками культа Воду: Жеффрар и Буарон-Каналь. Именно те самые, с которыми было всего труднее обделять дела. В их время происходили и процессы, возбужденные против приверженцев Воду. Так, в 1864 году в Порт-о-Прэнс были расстреляны восемь людей, обвиненных в том, что они принесли в жертву и съели двенадцатилетнюю девочку. По этой причине в 1876 году был приговорен к смерти один папалои, а два года спустя - несколько женщин. Это немного, если только верно то, что говорит Тексье, по словам которого, каждый год убиваются и съедаются тысячи детей - "cabrits sans cornes"

Аделаида все еще не вернулась. Но я, во всяком случае, стою на своем, несмотря ни на что. Я принадлежу к этой стране и имею право знакомиться со всеми ее особенностями...

Десять часов вечера

Папалои послал своего уполномоченного - "avalou", не вроде нашего кистера, - и последний добивался переговорить со мной от лица своего господина. Я прогнал его и сказал, что не соглашусь ни на что. А перед этим я показал уполномоченному мой топор, обмакнутый в красные чернила, который и на этот раз не преминули оказать свое действие. Я велел сказать папалои, что убью его, если он не исполнит моего желания.

В девять часов уполномоченный снова явился для парламентских переговоров. Он уже не дерзнул, впрочем, войти в комнату и все время сохранял свой языческий респект. Я

ужасно ругался и клялся именем верховного черта, Симби-Китас, и "avalou" в такой же степени убедился в моей чертовской миссии, как и Аделаида. Последняя все еще не вернулась. Я убежден, что ее задержали. Я сказал "avalou", что я вместе с самим Дом-Педро унесу всех их живьем, если Аделаида через час не будет дома.

Ночью. Двенадцать часов

Все улажено. Завтра утром я могу отправиться в поход. Папалои убедился, что моя воля непреклонна, и поэтому пошел навстречу моим желаниям. Как настоящий церковник, он постарался в конце концов что-нибудь выудить у меня и поставил через посредство Аделаиды условием, чтобы я пожертвовал двадцать долларов в пользу бедных местной общины. "Бедные" - это, разумеется, он сам. Я немедленно послал ему деньги, и теперь этот чернокожий старший советник консистории должен быть доволен.

За это он послал мне целую пригоршню сгнивших растений. Я должен сделать из них ванну для себя, чтобы превратиться в "ganzou", или, иначе говоря, получить посвящение. Собственно говоря, полагается мокнуть сорок дней в этой ванне, пока она совершенно не испарится, но мне было разрешено ограничиться сокращенным испытанием. Я выбросил эту гадость в сорную корзину, но зато из любви к Аделаиде принужден был съесть второй дар: "verver" - смесь из маиса и крови. Она имела отвратительный вкус... Теперь я достаточно подготовился к тому, чтобы завтра ночью быть принятым в число жрецов черта...

22 ноября

Мне стоит огромных усилий держать перо. Рука дрожит и не слушается. Два дня я пролежал на диване и даже еще сегодня чувствую себя словно в лихорадке. Все мои кости как будто разбиты. Аделаида все еще лежит в постели. Неудивительно после такой ночи! Если бы я описал моему брату свои приключения, я думаю, что на этот раз благочестивый советник консистории возвратил бы мне приложенный чек...

Бог ты мой, как у меня болит спина! Каждое легчайшее движение заставляет меня кричать. И я слышу, как Аделаида стонет в своей кровати. Перед этим я был у нее: она не говорит ни слова, а только тихонько плачет и целует мою руку, я не могу даже поверить, что этот бедный зверек - та сама жестокая жрица, которая судорожно сжатыми, окровавленными руками...

Я расскажу все спокойно. Аделаида отправилась еще утром. Я после полудня вскочил на моего буланого; мои верные браунинги были засунуты в седельную сумку. Я теперь знал дорог к "гонфу" и к заходу солнца был уже там. Еще издали я шал раздававшийся по лесу гомон возбужденных голосов и звон железных треугольников. Большая лужайка была полна черных тел; все снимали с себя одежду и имели кругом тела только небольшие красные платки. Они пили из своих пузатых бутылок, пробегали по дорожке мимо заостренных кольев, на которых теперь были насажены живые черные и белые курицы, и криком разбивали бутылки под божественным земляничным деревом. Меня, очевидно, ждали: двое негров подошли ко мне, привязали моего коня к дереву и повели меня по дорожке. При этом они поливали из глиняных кружек кровью жалко kloхтавших и трепыхавшихся на кольях куриц словно цветы в горшках. Перед входом в храм мне всунули в руку пустую бутылку, и я разбил ее под земляничным деревом. Вслед за тем мы вошли в обширное пространство храма, и все устремились туда. Стиснутый голыми телами, я очутился близ корзины со змеей. Мощные смоляные факелы торчали на высоких балках и дымили и бросали красное пламя сквозь открытые отверстия в крыше в ночную темноту. Мне показался красивым этот красный отблеск на черных блестящих телах. Я должен сказать, что это создавало настроение.

Рядом с корзиной висел огромный котел, и под ним горело пламя. Здесь же сидели, скорчившись, барабанщики около своих барабанов: Гун, Гунтор и Гунторгри. Позади них стоял огромного роста детина, игравший на колоссальном барабане Ассаунтор, обтянутом кожей умершего папалои. Все быстрее и быстрее дрожали колотушки барабанщиков, и все громче грохотали барабаны в переполненном народом пространстве.

Служащие при храме - "avalous" - оттеснили толпу к стен и освободили некоторое

пространство посредине храма, бросили здесь на землю сухого дерева и хвороста, воткнули горящий факел - и на крепко утрамбованном земляном по загорелся яркий костер. Затем они ввели сюда в круг пять адептов - трех женщин и двух мужчин, которые только что отбыли сорокадневное посвящение в протухлой ванне, счастливо миновавшее меня. Барабаны замолчали, и из толпы выступил папалои.

Это был старый худощавый негр. Как и все другие, он не имел никакой одежды, кроме двух связанных вместе красных платков. Кроме того, он имел на голове кругом лба голубую ленту, из-под которой ниспадали отвратительно всклокоченные пряди волос. Его помощники, низшие жрецы, "djions", подали ему большой пучок волос, обломков рогов и травы, и он медленно рассыпал все это в пламя. При этом он воззвал к небесным близнецам - Сауго, богу молнии, и Бадю, богу ветра - и просил их раздуть священное пламя. Затем он обратился к дрожащим адептам и приказал им прыгать в огонь. Джионы подталкивали и подгоняли тех, кто медлил окунуться в священное пламя, и это было великолепное зрелище, когда трепетные черные тела стали прыгать через огонь взад и вперед. Но вот они кончили прыганье, и папалои повел их к дымящемуся котлу около корзины со змеями. Он обратился теперь с молитвенным воззванием к божественному индюку, Опетэ. В его честь адепты должны были теперь опустить руки в кипящую воду, вынуть оттуда куски вареного мяса и подать верующим на больших капустных листьях. Страшно обожженные и ошпаренные руки стали погружаться в кипящий бульон, и это тянулось бесконечно долго, пока последний из присутствующих не получил своей порции мяса на капустном листе. И только тогда тощий старик принял их в свою общину в качестве равноправных членов во имя Аташоллоса, великого мирового духа, и передал их, наконец, родственникам, которые сейчас же стали покрывать мазью их обожженные члены.

Мне было очень интересно знать, не потребует ли этот человеколюбивый жрец такой же церемонии и от меня? Но на меня не обращали никакого внимания. Мне протянули только на капустном листе кусок мяса, и я ел его, как и остальные.

Джионы подбросили дров в огонь и утвердили над костром копьё. Затем они притащили за рога трех козлов - двух белых и одного черного - и поставили их перед папалои. Последний ударил каждого козла огромным ножом в горло и медленно отделил голову от туловища. Затем он поднял обеими руками отрезанные головы вверх, показал их сначала барабанщикам, а потом всем верующим и, посвятив их владыке хаоса, Агау Ката Бадагри, бросил головы в кипящий котел. Джионы собрали в большие сосуды кровь козлов, смешали ее с ромом и подали ее всем присутствующим для питья. А затем они содрали кожу с животных и насадили их на копьё над костром.

И я пил вместе с другими - сначала один глоток, а потом еще и еще... Я почувствовал, что во мне вздымается какое-то странное опьянение, дикое, жадное опьянение, какого я еще никогда не испытывал. Я совершенно потерял осознание своей роли как безучастного зрителя и все более и более чувствовал себя участником всего этого дикого зрелища.

Джионы выложили из кусков угля черный круг рядом огнем, и туда вступил папалои. Он благословил жарившихся козлов и громким голосом обратился к богу Аллегра Вадра, который знает все. Он просил просветить его, жреца, и всю общину верующих. И бог ответил через него, что все просветят только тогда, когда насладятся козлиным мясом. И черные физиономии прыгнули к копьё и стали рвать руками горячее полусырое мясо и пожирать его. Они ломали кости и обгладывали их длинными зубами и затем швыряли их через отверстия в крыше в ночную темноту в честь великого бога Аллег Вадра.

И снова затрещали барабаны. Сначала маленький Гун, а ним Гунтор и Гунторгри, и наконец начал свою ужасную песню мощный Ассаунтор. Все сильнее становилось общее возбуждение, все горячее и теснее сжимались кругом меня черные тела. Авалу убрали копьё и затоптали костер, и вся толпа устремилась вперед.

И вот я внезапно увидел, что на корзине стоит мамалои, Аделаида. Я не знаю, откуда она взялась. Она имела на се как и все остальные, лишь два красных платка, покрывавших ее бедра и левое плечо. Ее волосы были украшены голубым жреческим платком; ее

великолепные белые зубы ярко сверкали в красном сиянии факелов. Она была необыкновенно эффектна, дивно эффектна! Почтительно склонив голову, папалои протянул ей солидную кружку, полную рома, и она залпом выпила ее. Барабаны замолчали, и она начала - сначала тихо, а затем все с большим и большим подъемом, великую песню божественной змеи:

Leh! Eh! Bomba, hen, hen!

Cango bafio te,

Cango moune de 16,

Cango do ki la

Cango li!

Два-три раза пропела она эти дикие слова, и тогда вся толпа в несколько сот пьяных глоток стала подпевать ей:

Leh! Eh! Bomba, hen, hen!

Cango bafio te,

Cango moune de 16,

Cango do ki la

Cango li!

Потом ее пение стало снова стихать и, казалось, замирало. Маленький барабан тихо аккомпанировал ей. Она покачивалась на бедрах, склоняла и поднимала голову и делала руками в воздухе странные змеиные движения. Толпа молчала, затаив дыхание в ожидании. Только по временам то здесь, то там слышалось легкое шептанье: "Будь благословенна Манго, наша жрица... целую тебя... И тебя, Гуанган". Глаза у негров выступали из орбит: все пристально глядели на тихо напевавшую мамалои. И вот она промолвила тихим, почти сонным голосом:

- Идите! Гуэдо, великая змея, слушает вас!

И все устремились к ней. Служители и жрецы с большим трудом поддерживали порядок.

- Будет ли у меня новый осел этим летом? - Выздоровеет ли мой ребенок? - Вернется ли ко мне мой милый, которого взяли в солдаты?

У каждого был свой вопрос, свое желание. Черная Пифия отвечала всем. Ее глаза были закрыты, голова низко опущена на грудь, руки протянуты вниз, а пальцы судорожно растопырены. Это были настоящие ответы оракула, в которых не было ни да ни нет, но из которых каждый мог извлечь то, что он желал бы услышать. С довольными лицами вопрошавшие отходили в сторону и бросали медные монеты в старую войлочную шляпу, которую держал папалои. В ней виднелись также и серебряные монетки.

Барабаны снова загрохотали, и мамалои, казалось, медленно пробуждалась ото сна. Она прыгнула с корзины, вытащила из нее змею и снова взобралась наверх. Это был длинный черножелтый уж. Испуганный блеском огней, он высунул язык и обвился вокруг протянутой руки жрицы. Верующие упали ниц и коснулись лбом земли.

- Да здравствует мамалои, наша мать и королева, Гуджа Никон, наша повелительница!

Они молились великой змее, и жрица принимала от них клятвы вечной верности.

- Пусть сгниет ваш мозг, и пусть сгниют ваши внутренности, если вы нарушите вашу клятву!

И в ответ на это они восклицали:

- Мы клянемся тремя самыми сильными клятвами тебе, Гугон-Бадагри, который являешься нам, как Собагуи и как Гуэдо, великий бог Воду!

Затем мамалои открыла другую корзину, которая стояла за ней. Она вытащила оттуда черных и белых куриц и высоко бросила их на воздух. Верующие вскочили, схватили трепещущих птиц и оторвали им головы. И стали жадно пить из их тел свежую, льющуюся потоками кровь. А затем выбрасывали их наружу через отверстия в крыше с восклицаниями:

- Это тебе, Гуэдо, тебе, Гугон-Бадагри, в знак того, что мы сдержим нашу клятву!

Из задних рядов протискались вперед шесть человек и стали кругом мамалои. Они

были в дьявольских масках; с плеч у них свешивались козьи шкуры, а тела были вымазаны кровью.

- Бойтесь, бойтесь Симби-Кита! - завывали они.

Толпа отхлынула назад, и они вступили в освободившееся пространство. Он вели на веревке девочку лет десяти. Девочка с испугом и удивлением оглядывалась кругом, но не кричала; ог пошатывалась и едва могла держаться на ногах, совершенно пьяная от рома. Папалои подошел к ней и сказал:

- Я предаю тебя Азилит и Дом-Педро, и пусть они унесут тебя к величайшему из дьяволов, к Симби-Китас!

Он посыпал на кудрявые волосы ребенка траву, куски рога, пряди волос и поджег их горящим поленом. И прежде, перепуганный ребенок успел схватиться своими руками за воспламенившиеся волосы, мамалои, как бешеная, кинулась со своей корзины к девочке, с ужасным криком схватила ее судорожно сжатыми пальцами за шею, подняла на воздух и - задушила ее...

- Аа-бо-бо! - кричала она.

Казалось, она ни за что не хотела расстаться со своей жертвой. Наконец верховный жрец вырвал безжизненного ребенка из ее рук и одним взмахом ножа отрезал у него, так же как и у козлов, голову от туловища. И в этот момент жрецы черта запели дикими голосами свой ужасный триумфальный гимн:

Interrogez le imitiere,
Il vous dira
De nous ou de la mort,
Qui des deux fournit
Les plus d'hotes.

Снова папалои высоко поднял отрезанную голову и показал ее барабанщикам. И бросил ее в кипящий котел. Оцепенела безучастная, стояла рядом с ним мамалои, между тем как жрецы дьявола собирали кровь в кружки с ромом и рас-секали тело ребенка на части. И, словно зверям, бросили они куски сырого мяса присутствующим, и те кинулись на них и стали драться и царапаться из-за лоскутьев растерзанного детского тела.

- Аа-бо-бо! Le cabrit sans cornes! - завывали они.

И все пили свежую кровь, смешанную с крепким ромом, отвратительный напиток, но тот, кто начал пить, пьет его более и более...

Один из жрецов дьявола встал посередине, рядом с мамалои. Он сорвал с себя маску и сбросил с плеч шкуру. И остался совершенно голым; тело его было причудливо размазовано кровавыми полосами, руки были сплошь в крови. Все замолчали, нигде не раздавалось ни звука, и только маленький барабан Гун жужжал тихую прелюдию к дьявольскому танцу, к танцу Дом-Педро, который должен был сейчас начаться.

Танцор в течение минуты стоял неподвижно, не шевелясь. Потом он стал медленно покачиваться взад и вперед, сначала двигая одной только головой, а потом и всем туловищем. Все его мускулы напряглись, и охватившее его возбуждение, словно магнетический флюид, передавалось другим.

Все глядели друг на друга; еще никто не трогался, но нервы у всех были напряжены. Наконец жрец начал танцевать. Он кружился сначала медленно, а потом все скорее и скорее. И все громче и громче звучал барабан Гун, к которому вслед за тем присоединился и Гунтор. И черные тела охватило движение: замелькали поднятые ноги и руки. Танцующие пожирали друг друга взглядами... Несколько человек схватились попарно друг с другом и закружились в танце. Зарычал и Гунторгри и мощный Ассаунтор. Его перепонка, сделанная из человеческой кожи, издавала яростный, возбуждающий вопль дикой страсти. И вот все вскочили, все кружатся в танце, сталкиваются, набегают друг на друга, делают громадные козлиные прыжки, бросаются на землю, бьются о землю головами, снова вспрыгивают, машут руками и ногами и беснуются и кричат в диком ритме, который им напекает жрица-мамалои. Гордо стоит она посередине, вздымает высоко в воздух божественную змею

и поет свою песню:

Leh! Eh! Bomba, hen! hen!..

Около нее суетится папалои: он брызгает из большой лоханки кровью на черные физиономии, и они прыгают все безумнее и все яростнее завывают песню своей королевы.

Они схватываются друг с другом, срывают друг у друга с тела красные тряпки. Их члены словно вывихиваются, горячий пот струится с голых тел. Пьяные от рома и крови, подхлестываемые безграничной страстью, они прыгают друг на друга, как звери, бросаются на землю, вскидываются на воздух и впиваются жадными зубами один другому в тело. И я чувствую, что и я должен броситься в этот дьявольский танец взбесившихся людей. В храме раздается стон безумного сладострастия, вздымающегося поверх всего земного. Уж никто не поет. Над всем этим бредом раздается только отвратительный чертовский крик: "Аа-бо-бо"?...

Я вижу, как мужчины и женщины кусают друг друга. Окровавленные, дикие, они вонзают ногти в тело и причиняют себе и другим глубокие царапины. И кровь помрачает их рассудок: вот пятеро кружатся, сцепившись в один черный клубок...

Две негритянские девушки кидаются на меня, тащат меня за платье. И я схватываю их. Я кружусь, вою, кусаюсь, - делаю то же, что и другие.

Аделаида подбегает ко мне. Кровь брызжет из ее рук и груди. Голубая жреческая повязка еще украшает ее голову, густые черные кудри выползают из-под нее словно змеи. Она валит меня на землю, а потом снова вскакивает и толкает ко мне других женщин. И она стремится дальше и дальше - в жадно простираемые черные руки...

И уже без сопротивления кидаюсь я в этот дикий водоворот, в невероятнейшие объятия, прыгаю, беснуюсь и кричу безумнее и громче, чем кто-либо, ужасное: "Аа-бо-бо!..."

Я опомнился. Я лежал снаружи перед храмом, на площадке, в гуще черных мужчин и женщин. Солнце уже взошло. Кругом меня спали, корчась и стелась во сне, черные тела. С невероятным напряжением воли я поднялся на ноги. Мой костюм болтался на теле в виде окровавленных разорванных тряпок. Я увидел недалеко от себя спящую Аделаиду, всю в крови с головы до ног, поднял ее и отнес к моей лошади. Откуда взялись у меня силы, я не понимаю, но только все-таки мне удалось поднять ее на седло и отвезти, бесчувственную, на своих руках домой. Я положил ее в постель и сам лег в постель...

...Я слышу, как она опять стонет. Я должен пойти и принести ей стакан лимонада.

7 марта 1907

Прошли три месяца. Когда я перечитываю последние страницы, мне кажется, что все это пережил кто-то другой, а не я. Так чуждо теперь мне все это и так далеко. И когда я смотрю на Аделаиду, мне приходится принуждать себя поверить в то что и она там была. Она - мамалои?.. Она - это нежное, данное, счастливое создание? Только одна мысль владеет теперь ею: ее ребенок. "Действительно ли это будет мальчик? Наверное мальчик?" Сто раз спрашивает она меня об этом. И каждый раз приходит в блаженное настроение, когда я говорю ей, что это дело совершенно решенное - что у нее будет обязательно мальчик. Это просто комично: этот ребенок, которого собственно говоря, вовсе еще и нет, занимает в моих мыслях очень большое место. Мы уже придумали ему имя, уже готов маленькое белье для него. И я почти так же забочусь о маленьком червячке, как и сама Аделаида.

Между прочим, я открыл в ней новые таланты. Она теперь состоит на полном жалованье заведующей одним из отделений моего предприятия и ведет дело превосходно. Именно я открыл особую отрасль производства, которая невероятно забавляет меня: я фабрикую чудотворную воду, годную для всего. Производство ее очень просто: дождевая вода и немножко сока томатов для окраски ее в розовый цвет, Мы разливаем ее в маленькие пузатые бутылочки, которые я заказываю вместе с соответствующими этикетками в Нью-Йорке. Этикетка скомпонована по моим указаниям: на ней изображен окровавленный топор Симби-Китас и внизу надпись: "Вода Дом-Педро". Бутылочка обходится мне по три цента штука, а продаю ее по доллару. Спрос на воду огромный: негры рвут ее у меня из рук. С последней недели я экспортирую воду внутрь страны. Покупатели в высшей степени

довольны. Они утверждают, что чудесная вода помогает при всевозможных болезнях. Если бы они умели писать, я имел бы целую гору благодарственных писем. Аделаида, конечно, тоже уверена в целебной силе чертовской воды и с жаром торгует ею. Свое жалованье и проценты (она получает проценты с продажи) она передает мне, чтобы я хранил их для "ее мальчика". Она положительно прелестна, этот черный ребенок. Мне кажется, что я совершенно влюблен в нее...

26 августа 1907

Аделаида вне себя от счастья: она получила своего мальчика. Но это еще не все: у нее белый ребенок, и поэтому ее гордость не знает границ. Все негритянские дети, как известно, являются на свет не черными, а так же, как и дети белых - красными, как вареный рак. Но в то время, как дети белых потом белеют, негритянские младенцы очень скоро становятся черными, как уголь, или, по крайней мере, коричневыми. Аделаиде это, конечно, было известно, и она со слезами на глазах ждала, что и ее мальчик почернеет. Она ни на секунду не выпускала его из рук, как будто могла этим защитить его от появления природной окраски. Но проходили часы за часами и дни за днями, и ее ребенок был и оставался белым - белым, как снег, гораздо белее белым, чем я сам. Если бы не черные кудрявые волосы, невозможно было бы поверить, что он имеет негритянскую кровь. Только спустя три недели Аделаида позволила мне взять его на руки. Я никогда в жизни не держал на руках ребенка и испытал курьезное чувство, когда мальчуган улыбнулся мне и забил кругом себя своими ручонками. И какую силу он имеет уже в пальцах, особенно в большом! И, конечно, у него три сустава... В самом деле, великолепный мальчишка!

Для меня теперь большое удовольствие созерцать молодую мать, когда она стоит в магазине за своим прилавком, окруженная красными чудотворными бутылочками. Могучая черная грудь сверкает из-под красной рубашки, и здоровый белый ребенок пьет из нее жизненный сок. Честное слово, я чувствую себя необыкновенно хорошо в мои старые годы и таким молодым, как еще никогда. На радостях по случаю рождения сына я послал моему любезному брату солидный экстренный куш. Я могу позволить себе это: для моего мальчика останется еще более чем достаточно.

4 сентября

Я дал себе слово не иметь более никаких дел с поклонниками Воду (именно вследствие моих занятий по производству чудотворной воды). Но вот мне пришлось еще раз связаться с этой бандой - правда, в наступательной форме.

Вчера ко мне пришла с воем престарелая прабабушка Филоксера, которая полет в моих садах. Ее правнук исчез. Я утешал ее, что он, по всей вероятности, убежал в лес. Но она сама сначала так думала и целый день искала его в лесу и узнала, что его поймали Биданго. Теперь его держат взаперти в одной хижине и на следующей неделе собираются принести в жертву Симби-Китас, Азилит и Дом-Педро. Я обещал старухе содействие и отправился в дорогу. Перед упомянутой хижинной мне попался навстречу какой-то черномазый парень. Я узнал его: это был один из жрецов-танцовщиков дьявольской секты. Я оттолкнул его и вошел в хижину. Там я нашел мальчишку: он сидел, скорчившись в большом ящике, связанный по рукам и ногам. Около него лежали большие куски маисового хлеба, пропитанного ромом. Он уставился на меня бессмысленными звериными глазами. Я разрезал его узы и взял его с собой. Жрец, карауливший его, не осмелился ни на малейшее вмешательство. Я тотчас же отвез мальчишку на пароход, отправлявшийся сегодня вечером, и дал капитану письмо к моему товарищу по делам в С.-Томе с просьбой приютить мальчугана у себя. Там он будет в безопасности. Если бы он остался здесь, рано или поздно он все равно попался бы под нож: приверженцы культа Воду не так-то легко выпускают из своих рук того, кто был приговорен ими к смерти. Старая Филоксера рыдала от радости, когда узнала, что ее сокровище (весьма, впрочем, низкого сорта) находится в безопасности на борту парохода. Теперь ей нечего больше бояться: когда он явится сюда обратно, он будет уже взрослый мужчина, могущий сам убить всякого...

Впрочем, я доволен моим поступком. Это нечто вроде мести за тех маленьких мулатов,

которые исчезли с моего двора. Филоксеры сказала мне, что они пошли тою же дорогою, по которой должен был теперь пойти ее правнук.

10 сентября

После долгого промежутка времени сегодня я имел в первый раз стычку с Аделаидой. Она узнала, что я спас правнука Филоксеры, и притянула меня за это к ответственности. Жрецы Симби-Китас предназначили ребенка к смерти как же осмелился я вырвать его у них из рук?

За все это время мы с нею ни разу не говорили о Воду, с того дня, когда она по собственному побуждению открыла мне, что она отказалась от звания мамалои. Она сказала мне, что не может быть более жрицей, так как слишком любит меня. Я посмеялся тогда, но все-таки мне это было приятно.

Теперь она снова пустилась в эти отвратительные суеверия. Я попытался было противоречить ей, но скоро замолчал, так как увидел, что невозможно вырвать у нее веру, которую она впитала в себя с молоком матери. Кроме того, я прекрасно понимал, что ее нападки на меня происходят лишь из любви ко мне и страха за меня. Она плакала и рыдала, и я не мог успокоить ее.

15 сентября

Аделаида стала совершенно несносной. Ей всюду кажутся привидения. Она не покидает меня ни на минуту, не отстает от меня ни на шаг, как собака, которая поставила своей задачей охранять меня. Это, конечно, очень трогательно, но в то же время и весьма обременительно, тем более что мальчик, которого она не спускает с рук, обладает невероятно сильным голосом. Все, что я ем, она готовит сама. Мало того, она предварительно пробует всякую еду, прежде чем позволить мне прикоснуться к ней. Я знаю, что негры - великие специалисты по части изготовления ядов и в совершенстве знают ботанику, но все-таки я не думаю, чтобы они осмелились попробовать на мне свои познания. Я смеюсь над Аделаидой, но не скажу, чтобы мне было весело.

24 сентября

Итак, они уже взяли у меня "душу". Я узнал это от Филоксеры, которая так же расстроена и озабочена обо мне, как и Аделаида. Она пришла сегодня ко мне, чтобы предостеречь меня. Я хотел выслать Аделаиду из комнаты, но она настояла на том, чтобы остаться и слушать. Жрецы распространяют слух, что я изменил Симби-Китас, которому приносил клятву, и что поэтому я "loupragou", оборотень, который по ночам сосет у детей кровь. Ввиду этого некоторые из джионов "взяли у меня душу", т.е. сделали из глины мое изображение и повесили его в храме. Сам по себе это совершенно невинный опыт, но он имеет очень неприятную сторону: теперь я "человек без души", и поэтому каждый может меня убить. Он совершает этим даже доброе дело.

Несмотря на это, я не придаю этой истории никакого серьезного значения и не намерен разделять бабьи страхи. Пока мои кровные собаки лежат у моих дверей, а мои браунинги дежурят около моей постели, пока Аделаида готовит мне еду - я не боюсь черных негодяев.

- С тех пор, как я себя помню, еще ни один негр не осмеливался наложить руку на белого! - утешал я Аделаиду. Но она отвечала:

- Они уже не считают тебя белым. Они считают тебя своим с тех пор, как ты принес клятву Симби-Китас.

2 октября

Мне жаль ее... Она следует за мною как тень, не выпуская меня ни на секунду из глаз. Она почти не спит по ночам, сидит около моей постели на кресле и оберегает мой сон.

Она более уже не плачет. Тихая, молчаливая, она бродит мною. Похоже на то, что она борется сама с собою, решаясь какой-то важный шаг...

..А что если бы ликвидировать мое здешнее дело? В Германию я не могу переселиться - не потому, чтобы я боялся вступить снова в конфликт с глупыми законами: я уже не интересуюсь более никакими другими женщинами с тех пор, у меня есть Аделаида и ее мальчик, - но я считаю совершенно невозможным привезти туда негритянку в качестве моей

жены.

Я мог бы переехать в С.-Тома. Аделаида, наверное, чувствовала бы себя там очень хорошо. Я мог бы построить там прекрасную виллу и начать какое-нибудь новое дело - какую-нибудь работу я должен иметь. Если бы я только мог хоть кое-как распродать здесь весь мой хлам, хотя бы за половинную стоимость!

Я пишу сейчас в моей рабочей комнате, которая имеет вид осажденной крепости. Аделаида ушла. Она не сказала мне, да, но я убежден, что она отправилась вступить в парламентские переговоры с Воду. Перед запертой дверью в моей комнате сейчас лежат три собаки. На письменном столе передо мною лежат мои револьверы. Все это смешно... Ну, какой же негр осмелится среди белого дня тронуть хотя бы волосок на мне? Но я должен считаться с желаниями Аделаиды. Она ушла одна. Мальчик спит около меня на диване. Наверное, она вернется с добрыми известиями.

30 октября

Я думаю, что Аделаида сошла с ума. Она кричала и стучалась в дверь так отчаянно, что я со всех ног кинулся отпирать ей. Она тотчас же устремила к своему мальчугану, схватила его и почти задушила в своих объятиях. Маленький сорванец начал жалобно кричать, но она не отпускала его, целовала и обнимала его, так что я боялся, как бы она не погубила его своими поцелуями.

Она имеет пугающий вид. Она не сказала мне ни слова, но, по-видимому, ее миссия имела успех. Она уже не пробует более пищу, которую я ем, ее страхи относительно меня совершенно исчезли. А это обозначает с полной несомненностью, что всякая опасность миновала. Но она не отходит от меня ни на шаг, как собачка. Во время ужина она сидела около меня, не произнося ни слова и не прикасаясь к еде, и ни на секунду не спускала с меня глаз.

В ней как будто произошло что-то страшное, но она не говорит ничего. Ни единого словечка я не мог добиться от нее. Но я не хочу мучить ее: я ведь вижу, что бедная женщина и без того сходит с ума от любви ко мне.

Я приму все меры к тому, чтобы как можно скорее уехать отсюда. Я уже говорил с агентом Гамбург-Американской линии. В принципе он согласен, но он дает едва четвертую часть того, что стоит все мое добро, да еще требует рассрочки платежа. Но в конце концов я могу пойти и на это: у меня давно уже имеется кое-что в запасе на черный день, и я могу, наконец, хоть одно дело закончить с убытком для себя. Бог мой, как обрадуется Аделаида, когда я скажу ей об этом! Я женюсь на ней ради ребенка - она поистине заслужила это. И едва только все будет устроено и готово, я объявлю ей: - Ну, дитя, ты можешь собираться в дорогу. - Она с ума сойдет от радости...

11 ноября

Мои переговоры с агентом идут на лад. Уже получена телеграмма из немецкого банка, предоставляющая моему будущему преемнику необходимую сумму денег для расплаты со мною. Стало быть, главная трудность разрешена, а с частностями мы покончим скоро, так как я иду навстречу моему покупщику во всем. Он замечает это и называет меня очень демонстративно: "мой друг и благодетель". Что ж? Я не принимаю в дурную сторону, что он не может скрыть своей радости по поводу такого сказочно выгодного для него дела.

Мне стоит немало труда скрыть свою тайну от Аделаиды. Ее состояние становится все более подозрительным и тревожным. Но это ничего. Эту неделю она как-нибудь протерпит, зато потом ее радость будет тем больше. Она еще несколько раз была у своих Воду и каждый раз возвращалась в ужасном состоянии. Я ничего не понимаю - мне кажется, что всякая опасность миновала: у нас теперь все двери и днем и ночью настежь, как прежде, и даже приготовление пищи она передала опять кухарке. Что же все это значит?

Она по-прежнему почти не говорит ни слова, но ее любовь ко мне и к мальчику увеличивается с каждым днем, доходя до невероятного напряжения... В этой любви есть что-то удручающее, что почти захватывает у меня дух. Если я беру сына к себе на колени и играю с ним, она вскрикивает, бросается вон из комнаты, кидается на свою постель и плачет

и рыдает так, что просто сердце рвется...

Несомненно, она больна и заражает меня своей странной болезнью. Я благословлю тот момент, когда мы, наконец, покинем это злополучное гнездо...

15 ноября

Сегодня утром она была совсем вне себя. Она вздумала отправиться по каким-то своим делишкам и взяла с собою мальчика. Она по обыкновению попросила у меня отпустить ее, и в ее просьбе не было решительно ничего необыкновенного, тем не менее ее глаза, уже давно красные и воспаленные от постоянных слез, сегодня источали настоящие водопады. Она ни могла оторваться от меня и все время подносила ко мне ребенка, чтобы я поцеловал его...

...Я был взволнован и потрясен этой сценой. Слава Богу вскоре после того пришел агент Гамбург-Американской линии и принес мне условие для подписи. Теперь наша запродажная подписана мною, и чек на немецкий банк имеется в моих руках. Этот дом уже не принадлежит более мне, и я просил покупателя разрешить мне прожить здесь еще несколько дней. "Хоть полгода, если вам это угодно!" - промолвил он. Но обещал ему пробыть здесь не более недели. В субботу уход пароход в С.-Тома, и к этому дню все уже должно быть упаковано.

Сейчас я поставил на стол цветы. Когда Аделаида вернется, она услышит приятную новость.

5 часов вечер

Это ужасно. Аделаида не вернулась, не вернулась... Она не вернулась. Я обошел весь город; никто не видел ее. Я вернулся снова домой - ее там все еще не было... В саду я искал прабабушку Филоксеру, чтобы навести справки о ней, но и ее было нигде. Я побежал в ее хижину... и нашел ее. Она была привязана к столбу.

- Наконец-то вы пришли... Наконец... Спешите, пока не поздно!..

Я освободил ее, и мне стоило большого труда добиться разумных ответов от перепуганной и полусумасшедшей старухи.

- Она ушла в гонфу... мамалои...- заикалась она. - В гонфу, со своим ребенком... Меня привязали, чтобы я не сказала вам об этом...

Я побежал снова домой - захватить пистолеты. Я пишу эти строки в то время, пока седлают лошадь... Господи, что можно...

16 ноября

Я поскакал в лес.

Я не помню, чтобы я думал в это время о чем-нибудь. Только одна мысль владела мною: "Надо успеть!.. Надо успеть!.."

Солнце уже зашло, когда я выехал на лужайку. Два болвана схватили мою лошадь за уздцы, но я ударил бичом по их физиономиям. Я спрыгнул с коня, бросил уздечку на земляничное дерево. И я проник в гонфу, расталкивая людей направо и налево.

Я помню, что я кричал. Там, на корзине, стояла в красном сиянии мамалои. Змея обвивалась кругом голубой повязки. И, высоко подняв, она держала за шею мое дитя. Мое дитя и ее дитя... И душила его, душила его, душила его...

Я помню, что я кричал. Я выхватил браунинги из кармана и стрелял. Одному в лицо, другому в грудь. Она спрыгнула с корзины. Я подскочил к ней и вырвал ребенка. Я увидел, что он был уже мертв. И еще так тепел, так цветущ...

Я стрелял во все стороны в черные тела. На меня, накинлись, окружили меня, теснили, выли, кричали, лаяли. Я сорвал факел с балки и бросил его на соломенные стены. Они вспыхнули, как трут...

Я вскочил на лошадь и поскакал домой, увозя с собой моего мертвого ребенка. Я спас моего ребенка: не от смерти, но от зубов черных дьяволов.

На моем письменном столе я нашел это письмо... Я не знаю, как оно сюда попало...

"Господину Ф. Х.

Ты изменил Симби-Китас, и они хотят тебя убить. Но они не сделают этого, если я принесу им в жертву моего ребенка. Я так люблю его, но тебя я люблю еще больше. Поэтому

я сделаю то, что от меня требует Симби-Китас. Я знаю, что ты меня прогонишь, когда узнаешь, что я сделала. И потому я приму яд, и ты уже никогда более меня не увидишь. Но ты убедишься, как сильно я тебя люблю. Потому что теперь ты уже совсем спасен. Я люблю тебя.

Аделаида".

И вот моя жизнь разбита. Что остается мне теперь делать? ничего не знаю. Я запечатаю эти листки в конверт и отошлю. Еще некоторая работа...

А затем?

...Я тотчас же ответил на письмо. Я написал на конверте дополнительно адрес агента Гамбург-Американской линии сделал заметку: "В случае ненахождения адресата прошу возвратить". Я получил письмо обратно с пометкою: "Адресат умер".

Рагуза. Июль 1907